

По дороге воспоминаний – случай из военного детства

*Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война.
Р. Рождественский*

О Великой Отечественной войне можно говорить по-разному: скорбно и торжествующе, с любопытством школьника и бесстрашием ученого. Но тема: «По дороге воспоминаний – случай из военного детства» вызывает однозначное чувство – острую душевную боль.

У детей военной поры разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия, невосполнимая потеря прекрасного мира детства. Не в срок повзрослевшие во время Великой Отечественной войны девчонки и мальчишки, совсем маленькие и подростки, они надолго запомнили все те ужасы войны, которые им пришлось испытать. Горькое сиротство, разрушенные дома, вражеские лагеря, угон в германское рабство, бесправное голодное существование на оккупированных территориях - все это стало уделом сотен тысяч детей.

Дети войны... Они встретили её в разном возрасте: кто-то совсем крохой, кто-то подростком, кто-то был на пороге юности... Они рано повзрослели, ведь их родители, либо непосредственно участвовали в военных действиях, либо отдавали все свои силы на трудовом фронте, являясь надёжным тылом Советской Армии. «Всё для фронта! Всё для победы!» - главный лозунг тех времён.

В этой книге собраны воспоминания людей, получающих социальные услуги в отделении социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов Кольского комплексного центра социального обслуживания населения. Это дети войны. Это те советские жители, которые родились в период с 1927 по 1945 годы. Из их личных и субъективных воспоминаний мы видим живую, неискажённую гримом, историю. Это очень впечатляет - увидеть войну глазами детей и почувствовать то, что испытали они в свои повзрослевшие от войны годы.

В необычную книгу «По дороге воспоминаний - случай из военного детства» помещены 18 автобиографических воспоминаний с фотографиями. Эти воспоминания о войне показывают, сколько трудностей, страха, унижений, боли пришлось пережить детям войны, сколько пережитого они принесли во взрослую жизнь. Какой чудовищной машиной истребления была фашистская Германия, каким жестоким был фашистский режим, где не было места состраданию, доброте, соблюдению норм человеческого права.

Я, Белозеров Константин Николаевич, родился в 1929 году в деревне Самсоновская, Вельского района, Архангельской области.

Было нас в семье шестеро детей.

Когда началась война, мне было 11 лет, а через месяц исполнилось 12.

Отца, Белозерова Николая Фотиевича, 1904 г.р., сразу призвали на фронт. Воевал он до 1943 года, был дважды ранен в живот и в руку. Лечился в госпиталях. После последнего ранения его комиссовали и он вернулся домой. Умер в 1971 году.

Папа был неграмотный. Когда в 20-е годы была компания по ликвидации безграмотности, отца и мать записали на курсы по обучению письму и счету. Мама научилась писать и считать, а папа бросил и сказал: «Я лучше работать буду». Письма с фронта нам писали его однополчане.

Мы, кто остался дома, очень много работали в колхозе. Школа была в деревне. И хотя учился я в 4 классе, но после уроков возил навоз на лошади в поля для удобрения земли. Это, чтобы урожай картошки хороший был. Ни выходных, ни каникул у детворы не было. А еще после уроков шёл я помогать матери на ферму. Она была телятницей, ухаживала за телятами без выходных. И я пас телят, был подпаском. А как весной школа закончилась, я подпаском с пастухом гонял коров в лес на выпас.

С 1 сентября работал я в лесохимартели. Вельский район ведь издавна славился смолокурным промыслом. Смысл промысла - вытопить ценное природное вещество из древесины. В печке был огромный котёл с герметичной крышкой. Туда закладывали дрова сосновые. При топке пламя охватывало котёл почти полностью, а смола через нижнюю часть по трубке вытекала в огромную ванную, откуда её ковшом вычерпывали и переливали в бочки. К смолокурной печке дополнительно ставили установки по отбору скипидара. В процессе перегонки он вместе с водой выходил гораздо раньше смолы, которая показывалась только через сутки. Всё это время в печи поддерживалась постоянная температура, а вокруг в жару и чаду работали взрослые и дети. Смола и скипидар очень нужны были для лечения раненных бойцов и командиров, и все уходило на фронт. Грузили баржи и отправляли на Архангельск. Отца, когда он комиссовался с фронта, поставили бригадиром над женщинами и детьми. Он старшим был, поэтому и печку курил, и сырьё сажил, и топку кочегарил.

А одежды мало было, обуви не было. Босиком с весны до снега бегали. На ногах, бывало, болячки вскочат – больно! Тогда смолой на ночь намажешь ноги, а на утро как не бывало боли, и болячки затягиваются. Только спать приходилось неудобно: тело лежит на кровати, а ноги стоят на полу, чтобы смолой постель не испачкать. Так и лечились смолкой...

Доставалось всем работы, кто работал в военное время.

Я, Селиверстова Зинаида Михайловна, родилась в 1939 году в деревне Верх – Мехреньга, Церковнического сельсовета, Плесецкого района, Архангельской области.

Когда началась война мне было 2 года. Нас в семье было трое детей, я была самая маленькая.

Отец был призван на фронт в первые дни начала войны. Мать работала в колхозе «Восход». Помню очень рано по росе уходила она косить траву в колхоз. Пока была роса на траве, легче косить было. Косой - горбушей на севере косили в согнутом положении по обе стороны от себя. Косы женщины точили сами. Нас малышня заставляли крутить это точило. Старший брат тоже ходил косить траву.

Помню, мать положит дрова с вечера в печку, чтобы утром только поджечь дрова, поставить варить картошку и испечь хлеба. Мать научила нас как открывать и закрывать вовремя трубу, не рано и не поздно, чтобы не угореть. В общем, сами себе были хозяева.

Помню, как с фронта приходила весточка – листок бумаги, завернутый треугольником. Мать читала и все время плакала, а потом под подушку себе клала этот треугольник.

Еще помню, как садилась шить за швейную машинку и напевала песенку: «По Муромской дороге стояли три сосны. Простился со мной милый до будущей весны».

Отец воевал на Карельском фронте, там и погиб в 1942 году.

Помню, как периодически ездили люди на лошади, запряженной в дровни. Они громко объявляли всем: «Сбор продуктов. Всё для фронта! Всё для победы!». Надо было в обязательном порядке сдать мясо, масло и другие продукты. Работа в колхозе была за трудодни (за палочки). Это когда вместо зарплаты в ведомости ставили палочки в графы отработанных дней.

Еще помню, как мать брала с собой, чтобы напилить дрова. Пила была двуручная, и пилить надо было движением от себя и обратно. Я помогала матери дергать вторую ручку пилы. Мы пилили сухое дерево с корня. Оно хоть и было сухое, но крепко стояло в земле. Подпилим дерево, а потом мать кричит мне в какую сторону убегать, чтобы падающее дерево не придавило. Потом дерево пилили на чурки, которые надо было доставлять домой. Старшие дети кололи дрова, а я по полену носила и укладывала под навес, чтобы не намокли под дождем.

Помню, когда скажут, что сегодня привезут кино, мы малышня бежали навстречу этой повозке и радовались, что будет показано. А кино то было немое без звука. Нас детей киномеханик при просмотре кино не выгонял. И стояли мы где-нибудь в уголке и, затаив дыхание, смотрели движущиеся картинки про войну.

Вот такое мое детство было.

Я, Бухарова Зинаида Дмитриевна, родилась в 1932 году в Воронежской области, Уколовского района, в селе Красное.

Когда началась война, мне было 9 лет.

Отец, Дураков Дмитрий Давыдович, 1905 г.р., ушел на фронт воевать и его сразу убили. Наша семья жила на территории, оккупированной фашистами. Мама умерла раньше, а я жила с бабушкой и родственниками. Хаты у нас под соломенной крышей были в основном в селе. Солома сгорела во время бомбежек, а торчали одни стропила вместо крыш. Когда фашисты наступали, односельчане стали выбегать из домов и прятаться: кто в погребах, а кто в овраге, а кто - то на огороды. И вот те, кто бежал в овраг или на огороды прятаться, погибли сразу. Там они и остались лежать. Там их похоронили.

Вся моя семья перебралась жить в погреб. Я попросила бабушку взять с собой икону «Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья». Я считала эту икону семейной, ведь Верой звали мою маму, а Надеждой и Любовью звали дочерей бабушкиного брата. Я шустрая была в то время. Кто быстрее всех по лестнице спускался в погреб? Конечно я - Зинка.

Когда пришли в село «рыжие»: немцы, финны, мадьяры (т.е. венгры), то они стали ходить по дворам и домам. Искали военных и раненных. Стреляли в живность: гусей, уток. Мужиков и парней выстраивали в шеренгу и расстреливали через два - третьего. Это для устрашения людей. В нашем селе жило много хохлов, и когда пришли фашисты, они сдавали наших русских солдат в плен. Много сдали, чуть ли не армию. Служили полицаями, а когда началось наступление наших и освобождали Воронежскую область, то хохлы в Германию сбежали.

Помню, кто-то из взрослых на поле бросил верхнюю одежду. А во время войны мало же было одежды и обуви. Начался такой сильный ливень, что «огарки заливало» (по словам бабушки). Вот и приказала мне бабушка за одеждой сбегать на поле. Я забрала мокрую одежду, стала спускаться в погреб и увидела, что в ворохе одежды лежит граната и шипит... Как я закричала от страха и вылетела из погреба с криком! Кто - то из взрослых быстро среагировал, вынес гранату в безопасное место. Бабушка мне тогда сказала: «Это тебя мама спасла!»

Вот такое мое детство было.

Я, Чебыкина Валентина Александровна, родилась в 1934 году.

Когда началась война, мне было 6,5 лет. Жили в Ленинграде. В нашей семье было четверо детей. Всех было тяжело содержать, поэтому мы по очереди гостили у родственников. Родственники жили в разброс по городу.

Когда начались военные действия, нас эвакуировали в какую - то деревушку. Плохо помню, как ехали. Только помню, как была воздушная тревога и нас бомбили. Жили мы в большом, длинном бараке. Там была большая кухня. И когда готовили пищу, то стоял очень вкусный запах. Но еды было мало, мы часто голодали. Помню мама варила суп на костях... И вообще она очень вкусно готовила!

Как - то приходил седой дед, который вел перепись и занимался распределением. Хотел нас с братом забрать, но мать не дала.

Помню брат спал прямо в ботиночках. Когда начиналась тревога, мама брала брата на руки, а я сама шла. И так мы бежали в длинный коридор. Там не было окон и, там мы спасались.

Потом мы поехали в Костромскую область к бабушке, там было спокойно. Была развернута военная база, но бомбежек не было.

Папа не воевал, он болел и у него было больное сердце. Из - за этого его не призвали. Он работал плотником при руководящих военных. Потом папу отправили работать в Омск.

Когда закончилась война, не очень помню свои ощущения. Помню только, что в деревне стоял пожарный сарай и там висел колокол... И громко начал бить колокольный набат. И стал собираться народ. И все кричали радостно: «Война закончилась!»

Вот такое мое детство было. Спасибо маме и папе, благодаря им мы выжили!

Я, Воронцова Алевтина Александровна, родилась в 1937 году в селе Кладбинка, Северо - Казахстанской области.

Когда началась война, мне было почти 4 года. Жила я с мамой, папой у бабушки в доме. Кроме папы, у бабушки было еще пять дочерей. Но очень она любила папу, ведь он был старшим. А мама была в подчинении у бабушки.

Мой отец, Александр Федорович Солодушкин, 1911г.р., был призван на войну и ушел на фронт летом 1941 года.

Помню из детства такой случай. Я находилась в детском саду, мне 5 лет, значит это был 1942 год. И вдруг прибежала за мной тетя и говорит: «Алька, бегом домой. Там отец на побывку пришёл». Ух, и бежала я домой всю дорогу, а сердце от радости колотится. В комнате на стуле сидел папа в форме. Подхватил меня, обнял и на колени к себе усадил. Много конфет и пиленного сахара кусочками мне в руки насыпал. А я такая радостная была! Папка вернулся!

Сладости потом мама у меня забрала. Трудное же время было, еды не хватало. Мама мне потом понемногу эти сладости выдавала.

А отец побыл дома два дня и снова уехал на фронт. И больше я его не видела. Убили его. Похоронки не было. Только письмо от командира пришло для бабушки о том, как погиб мой отец. Писал командир: «Шло наступление. И попала одна пуля в живот, а вторая - в грудь прилетела. Вдохнул Александр Федорович и умер». Плакали мы все. А потом мне пенсию за отца платили 4 рубля, и бабушке тоже платили за него 4 рубля.

А маме, после гибели отца, не нравилось быть в подчинении у свекрови. И тогда нас бабушка отделила. Дала нам корову, и мы стали снимать квартиры разные. А потом у мамы новый муж появился, и другие дети стали рождаться. А я стала нянькой своим четверым братикам и сестричкам.

Вот такое мое детство было.

Я, Анисимова Александра Егоровна, родилась в 1932 году на хуторе Груздово, Куньинского района, Псковской области.

Когда началась война, мне было 9 лет.

Отец ушел на фронт воевать и погиб.

Помню, как нашу деревню оккупировали немцы. Наступали рано утром, понаехали на машинах и велосипедах. Мы спрятались дома. Очень боялись выйти! Жили мы с бабушкой и мамой, и нас шестеро детей. Самому маленькому моему брату Пете было около 1 года.

Через какое - то время нашу деревню попытались освободить наши, скорее всего партизаны. Были слышны выстрелы и крики: «Ура!» Но это только обозлило фашистов. Они повыгоняли всех жителей деревни из домов на улицу и подожгли всю деревню. Мы стояли и смотрели, как догорает наш дом. А тем временем немцы разделили нас на две группы. В первой оказались молодые и здоровые, кто еще был в деревне. В эту группу попала наша мама. А во второй - дети и старики. Мы с бабушкой были в ней. Нашу группу немцы погнали за деревню, и всю дорогу я несла маленького брата Петю на руках. За деревней нас оставили посреди поля, а немцы сели на мотоциклы и уехали. Мы постояли немного, и бабушка сказала: «Надо идти в соседнюю деревню». Там жили у знакомых. Очень долго не знали, что с мамой, все переживали. А потом узнали, где она - гитлеровцы не успели угнать далеко. А когда мама нас нашла, мы были очень счастливы и радовались встрече!

Вот такое мое детство было.

Я, Козырева Валентина Сергеевна, родилась в 1939 году в хуторе Первомайский, Ставропольского края. Хутор небольшой, всего 10 домов.

Когда началась война, мне было почти 2 года.

Мой отец, Братецкий Сергей Сергеевич, 1911 г.р., ушел на войну сразу в 1941 году и больше не вернулся.

Остались мы с мамой, Прокудиной Татьяной Тимофеевной, 1911г.р. и младшей сестрой. Из своих детских воспоминаний военного времени помню немного.

Помню, как мама сажала нас с сестрой на печку, за занавеску прятала. По двору ходили незнакомые люди в форме, что - то говорили. Забирали яйца, кур, что было съестного у нас и шли дальше. Нам говорили, что это немцы отступают.

Еще помню, как нас с сестрой и с другими детьми прятали в погребе. Вот там было темно, холодно и страшно!

После войны переехали жить под Армавир в Новокубанский район, поселок Прикубанский.

Там и в школу пошла. Армавир был очень сильно разрушен, почти ничего не осталось. Лишь стояла нетронутая снарядами церковь и рядом расположенный госпиталь.

Вот такое мое детство было.

Я, Богданова Августа Михайловна, родилась в 1928 году, в Вологодской области, Грязовецкого района, в деревне Алфёрова.

Жили мы в глухом месте, в захолустье, 10 км от леса. Семья у нас была большая: папа, мама и детей пятеро. Я была самая старшая и помогала во всём маме. Отец весной заготавливал дрова. Красиво пели песни птицы, а над головой пролетали самолёты. И отец как – то, так печально вдруг сказал: «Может не вернусь, и дрова может не сожжём». Как чувствовал...

Когда началась война, мне было 12 лет, а через 3 месяца уже 13.

Отец ушёл на фронт воевать и его сразу убили. Когда пришла похоронка на отца, мама упала и плакала, а я убежала на двор, где было сено, стояли бараны и там плакала.

Молодости в войну мы не видели, одежды и обуви не было. Мама обязана была платить налоги в виде мяса и молока, под девизом: «Всё для фронта! Всё для победы!» Мама старалась нас вырастить как могла, работала не покладая рук и сил.

Я всячески старалась помогать маме. В колхозе работала. Например, грузила мешки с зерном, которые потом отправляли в район Грязовец, а сама - то весила меньше этого мешка с зерном! А потом меня вместе с другими послали на работу за 100 км от деревни, с заданием: рубить лес и сплавлять его по реке Монзе. Жили в каком-то лесном посёлке. Трудно было. Пережили голод и холод, трудные и тяжелые работы с утра до ночи. Иногда нам в лес посылали продукты: барана и горох. Мы в русской печи варили еду сами. Иногда просто брали в рот семена пшеницы, очистим и жуем их. Когда уж совсем было голодно, вспоминали, как мама варила вкусный овсяный кисель и пекла самые вкусные блины.

Очень запомнилось мне, как к нам прислали солдатиков и готовили их к боевым действиям на фронте. Расселили их по 5 человек в комнате. Там они отдыхали в промежутках между подготовками. Все парни были молодые и красивые! И очень вкусно варили макароны. Очень мне запомнилось. А потом... их всех убили... Горечь, сожаление, боль утраты наполняли наши детские сердца.

Помню еще одну историю. Было это зимой, после Рождества, на Святки. Мне 15 лет. Зима была холодная и спали мы на русской печке. Разговаривали мы про разное. И уж больно нам захотелось узнать про женихов. Взяли мы коробочки из - под спичек, посадили туда по таракану, закрыли коробочки, привязали их к запястью и легли спать, чтобы приснились суженые - ряженые. На утро, когда все проснулись, тараканов в коробочках не было и ничего не приснилось. Но всем было смешно и немного весело.

После задания возвращались в деревню. В канун праздников, в окнах горели лампадки и все молились. Мы тоже старались успеть на эту молитву. Мимо проходили нищие или просто пожилые люди, они были очень голодны. Мама, несмотря на большую семью, кормила похлёбкой этих людей, а они стояли и молились, очень благодарили.

День Великой Победы я застала дома. Радио у нас в деревне не было. Мы узнали сообщением из города Грязовца. А он находился в 25 км от деревни. Все ревели в рёв! Много кто не вернулся домой и таких семей было очень много. Потом, конечно, все были рады, очень рады! Но в воздухе был очень сильный запах войны, везде пахло войной.

Вот такое мое детство было.

Я, Одинокая Анастасия Петровна, родилась в 1942 году в Украине в селе Сторожевое Чутовского района Полтавской области.

Я мало, что помню о войне. Папа ушел на фронт, когда я совсем маленькая была. Помню, как мама писала письма – треугольнички на фронт. Плакала. И обязательно от меня передавала папе привет, обрисовывая то мою ножку, то мою ручку.

Наше село оккупировали немцы. А когда отступали, фашисты сожгли всю деревню. Это было в конце сентября 1943 года. Все остались без ничего. Лишь один дом не сгорел, потому что крыша была под железом. Вот мы, а именно 20 семей: это старухи, жены, дети и жили в этом доме. Целый день на пожарищах работали и разбирали завалы, а на ночь все собирались под одну крышу. Так и существовали.

Папа воевал на Ладого, был водителем грузовика. По «Дороге жизни» перевозил по замерзшему озеру продукты для жителей Ленинграда. Блокада была с сентября 1941 года по январь 1944 года. Сколько машин ушло на дно озера... Машины бомбили, они проваливались и тонули. Это мне отец рассказывал потом.

Помню, что долго не было писем. От мамы я узнала, что ответа нет от папы. И долго не было. Оказалось, что его тяжело ранило в голову и ногу, оторвало руку. Он долго лежал в госпитале и не мог писать письма. Потом написали нам, что он идет на поправку. Когда его комиссовали, он вернулся домой.

А самое яркое воспоминание такое. Я одна в хате. И вдруг зашёл дяденька в выцветшей гимнастерке, с маленькой котомочкой за плечами. На груди у него были награды, а я маленькая была и не разбирала, что за награды. Этот дяденька бросился ко мне со словами: «Доченька! Доченька!» Я, конечно, не могла узнать своего папу, так как, когда он уходил на фронт, я совсем неразумная была.

Помню, как работал он с одной рукой и как ему было трудно!

Вот такое мое детство было военное.

Я, Елисеева Валентина Васильевна, родилась 22 июня 1932 года.

Родилась в семье саами (лопарей), в Семиостровье (Остров Харлов) - бывший населённый пункт в Ловозерском районе Мурманской области. Располагался на острове Харлов, на берегу губы Сирены, залива Баренцева моря. Находился остров в 130 км от районного центра села Ловозеро. В 2009 году населённый пункт был упразднён в связи с отсутствием проживающего населения.

С началом войны мне исполнилось 9 лет, и я была одна у родителей.

Я помогала взрослым, пасла оленей в стойбище. Отец возил на оленях с Мурманска продукты. Там был свой ларёк, пекарня, школа. Потом с бабушкой уехали на реку. Там ловили рыбу, солили, куропаток обрабатывали и ели. А родители работали. По зимнику (зимняя дорога) завозили товары: крупы, муку, соль, сахар. Одежду зимнюю шили сами с оленьих шкур.

Помню, что жили хорошо, по национальности и по душе. Жили вдали от городов. Игрушек не было, все дети помогали родителям. Когда началась война, всех с Семиостровья отправили в Варзино - село на восточном побережье Кольского полуострова. Место древнейшего летнего погоста семиостровских лопарей, близ устья р. Варзина. При переезде с места на место потеряли все фотографии. Во время войны жили в тундре Мурманской области, вдали от цивилизации.

Ребенком наблюдала только самолеты наши и вражеские в небе, когда пролетали над тундрой.

В 1941 году мама родила брата. А отец сильно простыл, заболел, умер в госпитале. После войны, в 1948 году, мама вышла замуж и родила еще пятерых детей.

Вот такое мое детство было.

Я, Скворцова Людмила Ивановна, родилась в 1936 году, в деревне Костромской области.

Когда началась война, мне было 5 лет.

Отец, Михалёв Иван Арсентьевич, 1901 г.р., был призван в начале войны на фронт.

Остались мы с мамой и младшей сестренкой жить. А вскоре на него пришло известие о гибели.

Я помню, что играла на улице у дома. Услышала, как сказали маме: «Похоронка пришла». Мама закричала и заплакала. А мне так страшно стало! Я подумала, что это какой - то страшный человек ходит и пугает. Я быстро выскочила со двора и убежала к лесу. Он начинался около нашего дома. Долго пряталась, не возвращалась. Меня нашли к вечеру и привели домой. Услышала, как мама громко плачет. Я зашла в избу, огляделась и стала глазами искать страшного человека по имени Похоронка. А бабушка спрашивает, что ищу. И узнав, объяснила мне, что похоронка - это не человек, это листок бумаги - письмо. Почтальон принес бумагу, где написано, что мой папка погиб на войне.

Еще помню из детства, как голодно было и все время есть хотелось. Ели одни драники из картошки, а так хлеба хотелось! Голод один... Мы с сестрой хотели сильно кушать, бегали в лес, искали ягоды и наедались, чтобы хоть не так хотелось есть.

Помню, как играли мы с детьми на улице. Видим, что едет на лошади военный человек с красным флагом и кричит: «Победа! Победа!» И все стали кричать от радости и плакать. Так мы с ребятами поняли, что война закончилась.

Вот такое мое военное детство было страшное.

Я, Василенко Лидия Викторовна, родилась в 1937 году в селе Марнополь Харьковской области. В нашей семье, кроме меня, росли брат Коля и сестра Рая.

Когда началась война, мне было почти 4 года.

Отец ушёл на фронт воевать в первые месяцы войны. В конце войны пришла похоронка на него, а позже прислал письмо его боевой товарищ. Из письма стало известно, что отец погиб при доставке боеприпасов, рискуя собой, чтобы помочь солдатам на передовой. А мы с бабушкой и тётей, невесткой бабушки, проживали на территории, занятой немцами.

Помню, нашу деревню оккупировали немцы. Зашли в хату полицаи, увидели беременную маму и сильно избили её. У мамы случился выкидыш, она была вся в крови и с той поры она стала калекой... Много было тяжёлых ситуаций. Деревня никогда не оставалась в покое. Как только уходили освободители, приходили захватчики.

Помню, окно было открыто в хате немцев. А там у них шоколадки лежали, ну я и взяла одну. Один из фашистов увидел меня и плеткой огрел сильно: разбил мне глаз, левое ухо, бровь. Бабуся меня схватила, отнесла к соседям. Я не знаю, где они брали йод, но лечили им всё.

Помню, как в мае 1943 года, немцы выстроили всех жителей в ряд на улице, а в селении было около 60 дворов. Впереди нас стояли немцы с собаками и автоматами. Они нас всех хотели расстрелять. Налетели наши самолеты, враги нас бросили и побежали прятаться, а люди все разбежались в поле, в лесопосадки. Но нас снова поймали и, передумав расстреливать, погнали пешком в Германию. Но везде шли тяжёлые бои. Фашисты не считали пленных за людей, мы были для них живым щитом. Мы все грязные. Есть хочется. Маленькие дети кричат. Кто из строя выходил, того расстреливали сразу. На моих глазах, так 5 соседских мальчиков убили. Гнали всё лето и начало осени. Собрали нас на какой-то скот базе и держали там с собаками. Под утро наступила тишина, даже собаки замолчали. Мы вышли, смотрим, а на лошадях наши солдаты! Как женщины тогда плакали! Хватали их за ноги, сапоги целовали спасителям нашим! Нас, освобожденных, повезли домой. А в деревне из 60 хат уцелело только две. Вся деревня сгорела. А от домов остались только кирпичные трубы...

Помню, сначала спали на какой-то кровати под натянутым брезентом. На зиму пустили нас в хату, и с горем пополам перенесли мы ту зиму. А потом помогли построить нам хатку односельчане, стали жить мы в своём доме. Мама так и не оправилась после избиения полицаями, как бабушка её не лечила. Вскоре, когда мы переехали в новый дом, она умерла. Это произошло, возможно, уже в 1945 году. Так осиротели мы... и бабушка с тётей, так и подняли нас. Тётя работала сторожем на скот базе, туда привозили дохлую конину на корм для свиней. Так она выбирала лучшие кусочки и приносила домой, чтобы мы не умерли с голоду...

Помню, как первый раз пошла в школу. Осенью 1944 года, шла босиком, идти не в чем. Тётя сняла с подушки наперник, постирала и сшила мне «платяюшко». А я в школу иду, ноги замерзают. Остановлюсь, присяду и подолом ноги прикрою, сижу - грею. Так и ходила – без обуви. Но зато экзамен по географии тогда сдала на 5!

Вот такое мое детство было.

Я, Федорина Анна Ивановна, родилась в 1934 году.

Когда началась война, мне было 6,5 лет. Жила я с мамой, папой и братиком 1941 г.р. в Мурманске, сначала в районе Росты, а потом около Краеведческого музея на Ленина.

Родилась я в Рязанской области, где жила тогда у бабушки – мамы отца. Бабушка была верующей, и все время молилась за мое здоровье, соблюдала посты, ведь я сильно болела.

Родители меня забрали из Рязанской области и привезли в Мурманск. В 6 лет, осенью 1940 г., у меня обнаружили туберкулез позвонков. Мне нужно было лежать в кровати в гипсе, но я все время убегала и не хотела лежать. Тогда меня положили на лечение в детскую больницу, в Апатитах, где я находилась на начало войны вместе с другими детьми. Из окна палаты мы видели, как летали самолеты в небе, как стреляли друг в друга. Окна нам заклеили крест - накрест. А потом нас всех собрали в одно помещение и повезли через озеро Имандра на железнодорожную станцию. Там в вагоны пересадили и отправили на Урал. Жили мы под Свердловском, в каком-то здании. В палатах было много детей, кровати стояли в два ряда. Там же я и училась.

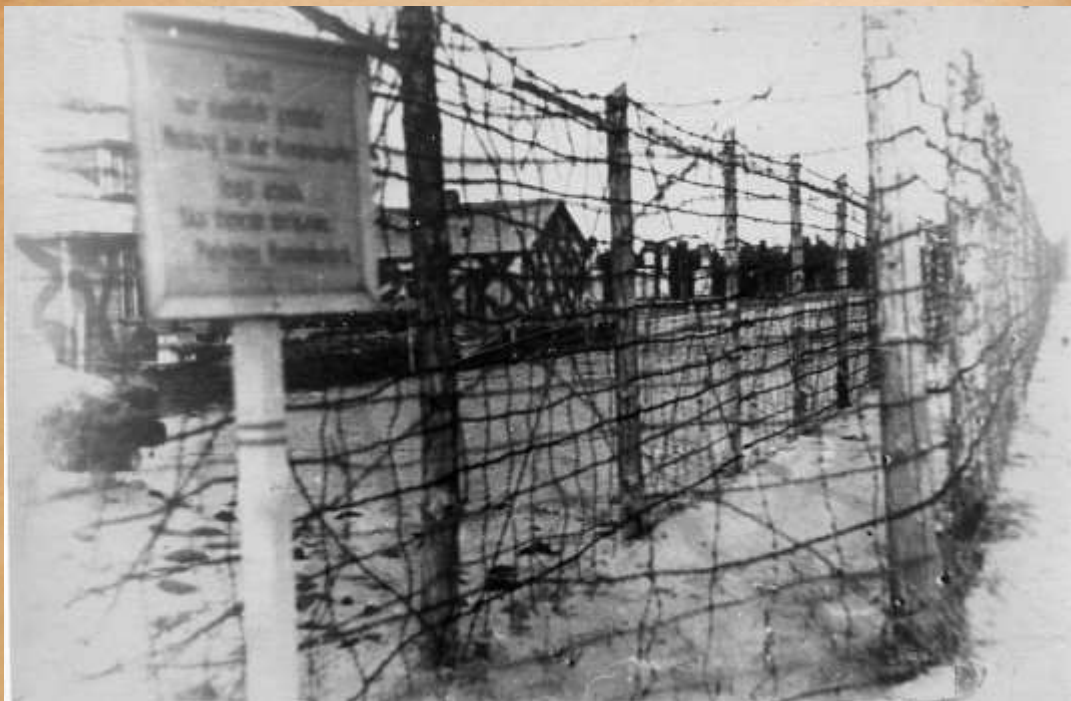
Мама приехала и забрала меня домой, когда мне исполнилось 10 лет. Шёл 1945 год. Жили мы в районе Угольной базы в землянках. Это просто вырытое в земле жилище с окошками около земли. Мурманск во время войны сильно бомбили, практически все здания уничтожены были.

Папа мой Иван Дмитриевич Федорин (1912-1980 г.г.) на фронт не ходил. Он работал в подсобном хозяйстве при МВД. Был заведующим, под его руководством работали заключенные. Они выращивали коз, коров (было 3 штуки), бычок. Когда животные стали болеть, их сдали на мясо. А построили теплицу и парники, где выращивали овощи. Вся продукция от подсобного хозяйства сдавалась в МВД.

А когда наступила Победа, я помню, что мы все радовались.

В 1946 году родилась моя сестрёнка младшая, и мы всей семьей переехали жить в Зверосовхоз. Мама говорила, что там остались здания, где можно было жить. Я пошла в школу в поселке Кильдинстрой, снова во 2 класс, ведь документов мама не взяла на меня из Свердловска. Жила на квартире у знакомых, чтобы не ходить пешком из дома каждый день. Там заболела коклюшем. Думала, что простыла и сидела в доме, укутавшись. А при коклюше ведь наоборот надо на свежем воздухе больше находиться. Когда сильно кашель меня донял совсем, мама забрала меня к себе в посёлок Зверосовхоз. А там и брат с сестрой от меня заболели. Долго нас мама от коклюша лечила.

Вот такое мое детство было.

Я, Рубкова Анна Кирилловна, родилась в 1936 году, в деревне Бирулино, Себежского района, Псковской области (тогда область была Калининской).

Когда началась война, мне было 5 лет.

Отец ушел на фронт и погиб под Сталинградом в 1943 году.

Жили мы с бабушкой, мамой и братиком трехлетним Геней на оккупированной немцами территории. А когда стали немцы отступать, то гнали с собой на Запад. Из родной деревни 60 стариков собрали в одном доме и сожгли, а детей и женщин забрали в повозки и повезли вначале в Себеж, а потом в Гатчину. Там детей отобрали у матерей. Хорошо помню тот момент! Сколько горя! Загнали нас в барак, окна закрытые, родители воют, кричат. А фашисты детей отдирают от матерей. Мама нам с Геней кричала: «Помните свои имена! Помните свои имена!» Затем привезли нас в Саласпилс, концентрационный лагерь, в 18 км от Риги. Вместо домашней одежды – полосатые робы, а вместо имен – номера. У меня был номер 777. В первый же вечер немцы собрали всех малышей, в том числе и трехлетнего Геню, сказали, что повезут пить молоко. Увезли, и больше их никто не видел. Напротив детского барака – крематорий. Дым из трубы валил круглосуточно. Нас, малолетних узников, стали использовать для отбора крови раненым немецким солдатам. Дети быстро истощались и погибали. Кровь брали насильно. Помню, врач был немец, мужчина, а держала меня эсэсовка. Была ли она русская или латышка, не знаю. Но так злобно шипела сквозь зубы по-русски: «Молчи, а то язык щипцами вырву!».

Когда советские войска подошли к Саласпилсу, всех детей быстро вывезли в Ригу и раздали местным жителям. Меня взяли в приёмную семью, но я была слабенькая и меня положили в больницу, где долго выхаживали. А латышка по имени Берта, добровольно давала мне кровь. Я ей очень ей благодарна за это... И после войны до самой её смерти навещала её.

Приёмные родители называли меня Ирена, я научилась говорить по-латышски, а родной язык совсем забыла. В 1948 году я ходила уже в 3 класс, мама Виктория сказала, что русские ищут детей. И действительно, мама меня нашла по сохранившимся немецким архивам. Привезла в родную Псковщину, где жили с бабушкой в землянке. Сначала надо мной одноклассники смеялись, я по-русски не знала и только плакала. Но потом вспомнила родную речь и нашла друзей. А когда выросла, всегда навещала обеих мам, приёмную и родную.

Вот такое мое было детство в военное время.

Я, Шапко Лидия Григорьевна, родилась в 1931 году, в Башкирии, на станции Чишма.

Когда началась война, мне было 10 лет. Нас в семье было четверо детей, я сама старшая.

Мой отец был военным, и наша семья часто переезжала на новое местожительство. Мама вела домашнее хозяйство.

Когда началась война, мы жили на границе с Китаем, в селе Ленинском Хабаровского края. Отца сразу призвали на фронт, а мы остались с мамой. Китайцы ушли на свой берег и оставили нам для проживания глинобитные круглые дома, как палатки – фанзы. В них было тепло! Китайцы хорошо относились к нам, всё время говорили: «Русь - хороший человек». Они очень уважали русских.

Мама пошла работать в военный госпиталь уборщицей и работала по 12 часов. Садиков не было. На мои плечи легли все заботы о младших детях. Мне 10 лет, Ване 7 лет, Вите 3 года, а сестренке Гале всего 10 месяцев от роду. Еды не хватало, голодно. Мы с братом бегали на колхозные поля, собирали картошку и её варили. Дети все время плакали, есть хотели. А для сестры маленькой сделали соску из марли с картошкой, и она успокаивалась. Братишки помогали, как могли. Я сама была ещё ребенок, а ухаживала за младшими, и они меня слушались.

Отец вернулся с войны в декабре 1945 года. Он прошёл всю Великую Отечественную войну и был награждён множеством медалей и орденами. И нашей семье сразу стало легче жить!

Вот такое мое детство было.

Я, Бухарова Зинаида Дмитриевна, родилась в 1932 году, в Воронежской области, Уколовского района, в селе Красное.

Когда началась война, мне было 9 лет.

Отец, Дураков Дмитрий Давыдович, 1905 г.р., ушёл на фронт воевать и его сразу убили.

Наша семья жила на территории, оккупированной фашистами. Мама умерла раньше, а я жила с бабушкой и родственниками. Хаты у нас под соломенной крышей были в основном в селе. Солома сгорела во время бомбёжек, а торчали одни стропила вместо крыш. Когда фашисты наступали, односельчане стали выбегать из домов и прятаться: кто в погребах, а кто в овраге, а кто – то на огороды. И вот те, кто бежал в овраг или на огороды прятаться погибли сразу. Там они и остались лежать. Там их и похоронили.

Вся моя семья перебралась жить в погреб. Я попросила бабушку взять с собой икону «Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья». Я считала эту икону семейной, ведь Верой звали мою маму, а Надеждой и Любовью звали дочерей бабушкиного брата. Я шустрая была в то время. Кто быстрее всех по лестнице спускался в погреб? Конечно я - Зинка.

Когда пришли в село «рыжие»: немцы, финны, мадьяры (т. е. венгры), то они стали ходить по дворам и домам. Искали военных и раненных. Стреляли в живность: гусей, уток. Мужиков и парней выстраивали в шеренгу и расстреливали через два - третьего. Это для устрашения людей. В нашем селе жило много хохлов, и когда пришли фашисты, они сдавали наших русских солдат в плен. Много сдали, чуть ли не армию. Служили полицаями, а когда началось наступление наших и освобождали Воронежскую область, то хохлы в Германию сбежали.

Помню, кто-то из взрослых на поле бросил верхнюю одежду. А во время войны мало же было одежды и обуви. Начался такой сильный ливень, что «огарки заливало» (по словам бабушки). Вот и приказала мне бабушка за одеждой сбежать на поле. Я забрала мокрую одежду, стала спускаться в погреб и увидела, что в ворохе одежды лежит граната и шипит... Как я закричала от страха и вылетела из погреба с криком! Кто - то из взрослых быстро среагировал, вынес гранату в безопасное место. Бабушка мне тогда сказала: «Это тебя мама спасла!»

Вот такое мое детство было.

Я, Шевелева Любовь Петровна, родилась в 1935 году, в деревне Лопатово, Пустошкинского района, Псковской области (тогда область была Калининской).

Когда началась война, мне было 6 лет.

Отец ушёл на фронт добровольцем.

Когда начались военные действия, нас оккупировали. Жили мы с мамой и братом 1940 г.р. под немцами. Особых зверств, которые творились, я не помню. Знаю, что немцы и полицаи свозили в г. Пустошки евреев и коммунистов из окрестных деревень и устраивали на окраине города показательную казнь – вешали их, а жителей сгоняли смотреть. Сейчас на этом месте находится мемориальное еврейское кладбище.

В ноябре 1943 года нашу деревню пытались освободить партизаны из соседней Белоруссии. Фашисты зверствовали и в ответ сожгли пол деревни, да убили человек 20. Оставшихся в живых сгоняли к грузовым машинам под тентами, чтобы увезти на работу в Германию, а хаты поджигали. Кто не мог идти – расстреливали на месте. Когда к нам пришёл немецкий солдат с автоматом, у меня с испугу заболел живот. Мама меня с братом кое-как одела во что было и нас погнали к машинам. Привезли в Идрицу, в районный центр, и пешком погнали к грузовым вагонам. Ехали в них месяца 2, долго стояли – сутками, потому что пропускали немецкие эшелоны на фронт. По дороге кормили баландой. Принесут ведро какой – то болтушки, а из него нога конская торчит с копытом. Так привезли нас в г. Потсдам, пригород Берлина, велели выгружаться и построиться вдоль эшелона. В отдельную шеренгу стали отбирать подростков. Что тут началось! Родственники кричат, к себе подростков тащат, солдаты их бьют прикладами. Из здания вокзала вышел немецкий начальник в пилотке с кокардой, поглядел на «рабочую силу», выругался по-русски, плюнул и ушёл. Нам велели залезать в вагоны и повезли назад. Привезли нас в Литву в г. Алитусе на реке Неман. Там помыли в бане, потому что «рабочая сила» была грязной и вшивой. После бани и прожарки одежды велели одеваться и привели к промерзшему зданию, где мы жили недели две. Некоторые из нас промерзли, заболели и умерли.

Помню, выстроили нас на площади, а вокруг на подводах сидели литовские фермеры, им Германия даровала бесплатную рабочую силу... Они ходили, рассматривали и забирали к себе. Нас никто не брал долго. Кому нужна женщина с двумя детьми? Наконец, к маме подошёл очень подвыпивший литовец и предложил ехать к нему работать. И нас с мамой, а еще её подругу с двумя детьми посадил в сани – розвальни и повез. Привез в свой хутор, где нас накормили и уложили спать. Наутро хозяин другую семью маминой подруги увёз в соседний хутор, а мы остались. Никакая рабочая сила им не нужна была. Литовская семья была небогатая. В ней были: сам хозяин, хозяйка, сын Антанас 18 лет, дочь Стасе (чуть младше меня). К нам относились хорошо, из – за нас вся семья разговаривала на русском. Весной 1944 г., когда нас освободили наши войска, мы уехали домой.

Помню, в деревне не было ни одной хаты. Зимовали в ДОТах в три наката брёвен, которые остались после немцев.

Мой отец, Гуков Петр Михайлович, капитан, погиб 18 апреля 1945 г. при взятии Берлина на Зееловских высотах. Похоронка пришла в военкомат как раз к 9 мая 1945 г.

Вот такое мое было детство в военное время.

Каждый уходящий год всё дальше и дальше отдаляет нас от событий Великой Отечественной войны. Уходят живые свидетели тех страшных событий, унося с собой память. Это последнее поколение, которое может рассказать то, что они видели своими глазами.

Воспоминания о событиях Великой Отечественной войны ещё раз доказывают, что детские впечатления не исчезают, являются достаточно отчетливыми и влияют на всю взрослую жизнь человека.

Информация собрана и опубликована с разрешения участников событий.

Данный ресурс использован с согласия автора <http://easyen.ru>

Государственное областное автономное учреждение
социального обслуживания населения "Кольский
комплексный центр социального обслуживания населения"

Отделение социального обслуживания на дому граждан
пожилого возраста и инвалидов

184381, Мурманская область, Кольский район, г. Кола, ул.
Красноармейская, д. 23

e-mail: info@kolakcson.ru, kkcson@bk.ru

2022 год